

СУТЬ МИРА

Терентьев А.А.

г. Омск, БОУ ДО г. Омска «ЦРТДиЮ «Амурский», педагог дополнительного образования

Давным-давно в земле, что сейчас зовётся Шотландия, на одном из островов, носящих звучное имя Арран, что расположен между Эйрширом и Кинтайром, был сотворён в горах монастырь. Горы возносили тот монастырь прямо к небесам, и он, выложенный из камней, служил алтарём Богу, потому как с него славили создателя мира монахи в день всякий. Но однажды в эту каменную обитель пришёл странник. Был он высок ростом, с яркими голубыми глазами и с огромной развевающейся рыжей бородой, в которую вплеталась благородная седина, так же как впечатывались морщины в открытое всем ветрам лицо. Его тело было укрыто плотной накидкой, будто панцирем, отгораживая немощную плоть от пронзительного ветра северных земель острова. Монастырь принял странника, в его стенах древний устав позволял давать кров и пищу уставшим в пути, не взирая на то, кто стучался в деревянные ворота с медными гвоздями. Сам настоятель, приветствуя странника, отвел его в келью, и дав отдохнуть, только потом приступил к расспросам. Пришлый живо и красочно рассказывал о свои приключениях, рисовал словами порой страшные, а порой очаровывающие картины мира, что в своём великолепии простирались за границей острова. А когда настоятель узнал, что странствующий, отправившись в путь, искал истину, и, познав её, собирается домой, удивившись, всё же спросил:

– Разве истина не в Боге? Не в вере в него? Не в любви, что он испытывает к нам? Не в том ли истина, что он открыл человеку царство своё через жизнь души вечную и жизнь простую да скоротечную в мире этом?

На что получил ответ голубоглазого пришельца:

– Истина лишь в том, что этим миром правят несколько мороков, заставляя человека быть несчастным во все времена, пока он живёт на этой грешной земле. И сколько бы душа человека не приходила в мир этот, она не найдёт дороги в царствие Бога, потому как нет

её, а есть только темница. И темницу ту покинуть можно, только победив ловушки, что суть мороки.

Удивлённый таким ответом настоятель стал с жаром спорить и доказывать то, что по его вере Бог и любовь не может быть ловушкой, а уж тем более мороками. И истина, открытая ему, настоятелю, в монастыре этом, силы даёт уж не один десяток лет... Усмехнулся на те слова горячие и праведные, странник, да, глядя в глаза настоятелю, ответил:

– Посуди сам. Люди осознавшие, что их сотворил Бог, вдохнул в них частичку себя, подобны слепцам, бредущим во тьме. Им не доступен ясный взгляд, потому что они не покидают темницы, живя и умирая в плену морока. И первый морок, это то, что мы гоним от себя мысли о смерти. Человек живёт так, будто он бессмертный. И у него всегда есть завтрашний день. Даже в той книге, что служит тебе утешением, сказано, что Бог даровал человеку одежды кожаные и в муках определил путь его на земле. В ней же, есть примеры того, что смертны все. Даже ангелы рождаются и умирают, что уж говорить о простом человеке.

Вскинувшись, настоятель только и проревел:

– Так, то была и есть расплата за первородный грех человека. Сам Бог бессмертен, а мы, создания его, стремимся стать верными помощниками его, чтобы потом после, душой соединиться с Творцом, в день страшного суда и тем обрести жизнь вечную.

И ответил ему странник, блеснувши глазами невыносимо синего цвета:

– Страшный суд уже был, идёт и ещё будет. Даже Боги умирают, когда про них забывают, тогда он и приходит для всего живого. Тот самый страшный суд, смертью и забвением зовущийся. Потому и морок этот самый главный.

Осекся настоятель, вдумавшись в слова собеседника, потом спросил: «Что же ещё за мороки правят в мире этом?» чуть слышно спросил настоятель монастыря, уже боясь услышать новые

откровения, стремительно меняющие его миропонимание.

И услышал он такой ответ:

– Морок могущества. Он ум смущает не только царям да вельможам. Боль, гнев, злость, обида, презрение к такому же человеку – всё это испытывает человек, а задумывается только над тем, как отомстить, да как больнее сделать, чтобы все кругом увидели силу его. Если цари да правители кровь людскую как воду проливают, если священники за веру, что для них правильная, жизнь огнём да камнями отнимают, то простой человек, помельче, а и он в мечтах своих лелеет, как обидчику да супостату отомстить, да как вернётся всё сторицей тому, кто его, такого хорошего, обидел да унизил, наказал, да обобрал или попросту у него завистью черной душа наполнилась, на счастливо живущих гляючи. Этот морок самый коварный, зависть и бессилие самые черные дела творят в этом мире.

Уж сгустился сумрак ночи, тихонько бился в толстые стены монастыря неутомимый дождь, а в сухой и просторной келье продолжался разговор настоятеля со странником, который, казалось, знал все ответы на самые главные вопросы жизни. Приказав принести ужин, настоятель подождал, когда рыжебородый пришлый утолит голод физический и вновь приступил с расспросами, стремясь утолить свой голод духовный. И начал он с вопроса, который его волновал теперь больше всего:

– А как же человек? Ведь он способен волей своей и устремлением изменить не только себя, но и мир, в котором он живёт?

На мгновение задумался странник, и вновь потекла его речь, изумляя опытного настоятеля монастыря мудростью, о которой не известно было даже в самых сильных школах философов древности.

– Самый неразрешимый морок этого мира, с которым сталкивается живой человек, это морок воли. Той самой воли, когда есть абсолютная свобода, чтобы выбрать и быть готовым к ответу за свой выбор. Воля для нас как огонь в ночи, когда мы делаем что-то, как кажется нам правильно, то тогда этот огонь согревает нас, подливая масло в очаг нашей гордыни, но ког-

да по принуждению мы делаем выбор, то тогда этот же самый огонь сжигает нас, пеплом распыляя над этим миром. В книге, что ты так сейчас прижимаешь к сердцу, есть строки, призывающие верить, и тогда сдвинутся камни. Воля человека подобна вере и камню, пущенному в озеро, но и она, та самая воля делает человека рабом в бесправии и невозможности поступить так, как от него ждут все, кто его знает. Страшный это морок.

Замолчал странник, с мучительной тоской в очах молчал и настоятель монастыря. Но потом взглянув на распятие, оживился и, возвысив голос, произнёс:

– А как же Бог? Ведь он, и только он по милости своей, даёт нам всё, потому как любит нас, и посылает испытания только тогда, когда нам нужно что-то понять или исправить в своей душе?

Улыбнулся странник на пылкие и справедливые слова настоятеля, да ответил, будто ждал именно этого мгновения:

– Бог и есть тот, кто создал эти мороки. Вся его любовь — это западня, для тех, кто пытается жить в ловушке мира сего. Ему нет дела до слов и молитв, поступков и свершений, ведь пока человек здесь, он помнит о нём. А значит, Бог живёт. И именно для того, чтобы быть вечным, он породил морок справедливости.

Заметив, как будто от удара лихого вздрогнуло тело настоятеля, странник продолжил:

– Ведаю, что ты сказать можешь, да только выслушай меня, а потом уж обдумав, прими этот мир настоящим. Нет страшней морока, чем справедливость. Ведь все беды, вся боль души человеческой в этом мороке купается. Разве человек не спрашивает себя, за что ему выпадает тот или иной путь? Разве не пытается он понять, почему ему достаётся тот или иной жребий? А может, в жизни не раз сталкиваясь с горем и злосчастьем, человек думает о том, почему, тот, кто заслуживает суровой кары, продолжает сеять зло и раздор, проливая в мир этот тьму и беды, и когда же свершится справедливость и воздастся каждому по делам его. Вот он этот морок. Глубоко, подобно червю, сидит он в спелом яблоке души челове-

ской, потому как человек не понимает, морок создан для него, его он силы пьёт, им питается. Только человек – ни зверь, ни тварь иная – верит, что справедливость восторжествует. Страх великий прячет от себя человек, боязно ему без помысла о том, что кто-то и когда-то да всё и вернёт обидчику, вознаградит праведника, утрёт слезу сирому, подаст руку упавшему. Ан нет. И обида растёт, и человек жаждой своей питает Бога и просит его, того, кто и создал этот морок, прийти и утешить. Он же, скрытый от взгляда, не отвечает ожидающему: зачем?, почему?, за что?. И тогда человек сам стремится оправдать Бога, прикрываясь мороком, как щитом. Да только от того горше и становится.

Изумленный вскрик настоятеля был ему ответом:

– А как же жизнь вечная для души?

И прогремели слова откровения тогда:

– Коли здесь человек не смог примирится с тем, что мир не справедлив, так будет ли его душа после мытарств счастлива где-то? Бог не справедлив. Но он и не несправедлив. Он такой, какой есть. Мы верой своей, страхом своим, болью своей его наполняем. А когда всё понимаем, тогда и приходит время уходить.

Настоятель, пытливо вглядываясь в лицо странника, охрипшим голосом произнёс: «Кто ты? Откройся!»

Мгновения замерли, повисло звенящее безмолвие, и только тогда путник

выдохнул свой ответ: «Это мой дом. Я вернулся туда, откуда начался свой путь. Давным-давно эти руки складывали каждый камень в этом монастыре. Эта душа верила в Бога, это тело служило Ему, пока огонь истины не выжжет это сердце и не отправил меня в путь». Поражённый настоятель восторженно вскричал:

– Так, ты основатель монастыря? Сам святой...

– Не надо имён, – прервал его странник, вскинув руку.

– Постой, а не за мной ли ты пришёл? Так возьмешь ли меня с собой?

Был ему вопрос задан трудный. И ответом ему слова были сказаны:

– Коли готов, так ступай вслед...

В тот же миг в старой и тихой келье разлилось сияние. Нет, ни огня живого, ни солнца ясного, ни сияния небесного. Был тот свет неземным, теплым, да красочным. Рубищами остатки одежды на полу той кельи выстлались. Камни той кельи оплавилась, что огарки свечные стали. Жар великий по монастырю прокатился, да всю братию, спящую, будто листьев, опавших хороводом, закружил, да от сна очистил.

Нет уж давно того монастыря, и камней от него не осталось, нет в живых тех, кто о пришлом путнике слышал, да о наставнике, пропавшем сказки рассказывал. Есть страна Шотландия, есть и остров Арран, есть и будут мороки, что людей в темнице держат, да на алтарь мира без счёту кладут.